
ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 811.512.153

DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-126-137

Из истории изучения койбальского говора хакасского языка

А. Д. Каксин

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан, Россия

Аннотация

В статье анализируется общий строй (или структура) койбальского говора хакасского языка, в современных генетических классификациях определяемого как часть тюркского континуума. В то же время указываются и явления, предопределенные тем обстоятельством, что на территории, ныне занимаемой хакасским языком, бытовал койбальский язык – представитель южной ветви самодийской языковой группы. В связи с этим производится реконструкция схемы взаимодействия языков, в результате реализации которой появился койбальский говор хакасского языка. Общий строй исследуемой языковой идиомы характеризуется исходя из совокупности фонетических и грамматических черт (признаков) на современном этапе.

Ключевые слова

история лингвистики, языковое развитие, взаимодействие языков, строй языка, койбальский говор хакасского языка

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-012-00258 «Миноритарные этносы Южной Сибири: семиотико-когнитивное, лингвистическое и социолингвистическое измерение»

Для цитирования

Каксин А. Д. Из истории изучения койбальского говора хакасского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39). С. 126–137. DOI 10.25205/2312-6337-2019-1-126-137

From the history of studying the Koibal dialect of the Khakass language

A. D. Kaksin

Katanov Khakass State University, Abakan, Russian Federation

Abstract

The article gives a general view of the modern Koibal dialect of the Khakass language. The history of studying Koibal speech includes several stages. In the 18th and early 19th centuries, the first evidence of the people living at the mouth of the Abakan River and their language, was collected. Some interesting records were made by G. Miller, P. Pallas, G. Spassky, some other scientists and travelers. Comparing the people under study with other peoples inhabiting the Minusinsk Hollow at that time allowed defining quite a large number of peoples in this area (including Koibals) to be Samoyeds speaking languages with one common property: these are different versions of the Turkic type language. In other words, in that period already, the assimilation of Samoyeds languages by Turkic languages was underway. The article then provides an assessment of the main work of an outstanding Finno-Ugrist and Altaist Mathias-Alexander Castren in linguistic Turkology – a brief grammar of Koibal and Karagas dialects (published in 1857), with notes made by the prominent orientalist Nikolai Katanov to the text by Kastren taken into account. In the second half of the 19th and 20th centuries, the information on the Koibal dialect and other linguistic formations of this part of Southern Siberia was systematized by L. P. Potapov, N. A. Baskakov in the Khakass-Russian diction-

© А. Д. Каксин, 2020

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 1 (iss. 39)

ary (1953) and an essay by S. I. Weinstein. Later, when the study of South Siberian languages was put on a serious scientific and organizational basis, the Koibal dialect, like other territorial varieties of the Khakass language, was described in sufficient detail by V. G. Karpov, M. I. Borgoyakov, D. F. Patachakova, O. P. Anzhzhanova, in *Grammatik and the Khakass-Russian dictionary* (2006). Finally, some lexical and grammatical phenomena in modern Koibal dialect are considered, and a scheme (model) of language interaction that resulted in the Koibal dialect of the Khakass language is introduced.

Keywords

history of linguistics, language development, interaction of languages, system of language, Koibal dialect of Khakass language

Acknowledgements

This study was supported by the grant of RFBR No. 20-012-00258, «Minority ethnoses of Southern Siberia: semiotic-cognitive, linguistic and social-linguistic measurement».

For citation

Kaksin A. D. Iz istorii izuchenija kojbal'skogo govora hakasskogo jazyka [From the history of studying the Koibal dialect of the Khakass language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 1 (iss. 39), pp. 126–137. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-126-137

Основной целью данной работы является определение этапов изучения койбальского говора хакасского языка. Еще одна цель заключается в выявлении наиболее вероятного пути формирования койбальского говора, который уже достаточно давно является неотъемлемой частью тюркского языкового континуума. Небезынтересны и суждения о тех сторонах (гранях) грамматического строя, которые свидетельствуют о тюркском характере современного койбальского говора.

История изучения койбальского говора делится на несколько этапов. На первом этапе (в XVIII – начале XIX вв.) были собраны первые свидетельства о народе, проживавшем в устье реки Абакан, а также о языке, на котором этот народ говорил. Интересные записи в это время сделали Г. Миллер, П. Паллас, Г. Спасский, а также некоторые другие ученые и путешественники. Сравнение с другими народами, населявшими тогда Минусинскую котловину, позволило сделать следующий вывод. Довольно много народов на этой территории (в том числе и койбалы) – таежные аборигены, но говорят они на языках, объединяемых одним свойством: это различные варианты языка тюркского типа. Другими словами, уже в этот период было констатировано, что идет неуклонный процесс ассимиляции аборигенных языков тюркскими.

Предположение о самодийском происхождении койбальского говора было сделано тогда же, в XVIII в., затем это обстоятельство не раз подвергалось проверке, но к середине XIX в. был фактически признан самодийский характер первоначального языка койбалов. Поэтому в современных генетических классификациях в семье уральских языков постулируется мертвый койбальский язык [Joki, 1952; Хелимский, 1982; Кюннап, 1993].

Следующий этап связан с деятельностью выдающегося финно-угроведа и алтаиста Матиаса-Александра Кастрена (1813–1852). Как известно, главная его работа в области лингвистической тюркологии – краткая грамматика койбальского и карагасского наречий [Castrén, 1857]. На содержание этого труда с позиций современной науки можно смотреть по-разному. С одной стороны, это грамматическое описание считается одним из образцов в области лингвистической антропологии. Есть также мнение, что многие работы М.-А. Кастрена, в том числе и названная, представляют определенный интерес для специалистов по лингвистической типологии. С другой стороны, в целом ряде современных работ эту грамматику «подают» как ценный источник для тюркологов-лингвистов, а также для исследователей тюркских языков [Боргояков, 1959; 1978; Насилов, 1978; Боргояков, 1981, с. 70–72; Карпов, Насилов, 2007, с. 251].

Выдающийся лингвист и этнограф М.-А. Кастрен знаменит своими трудами о языках и народах Севера Европы и Западной Сибири. Сам М.-А. Кастрен, по-видимому, действительно имел намерение искать в материале попадающих в поле его зрения языков доказательства урало-алтайской гипотезы. Но в койбальско-карагасской грамматике он в значительной мере отходит от этой задачи: сопоставлений с финно-угорскими языками там не очень много. По сути дела, эта грамматика явилась первым системным описанием двух тюркских наречий (диалектов) Южной

Сибири. И это, без сомнения, выдающийся вклад в лингвистическую тюркологию: до этой особенной в своем роде работы М.-А. Кастрена грамматическое описание получили только турецкий, татарский и якутский языки [Кононов, 1990, с. 525–526].

Следует добавить, что к названному грамматическому очерку (Кастрена) прилагались «Татарско-немецкий словарь», «Немецко-татарский словарь» и «Языковые образцы» койбальского и карагаского наречий. Выдающийся востоковед Н. Ф. Катанов, обратившись к труду Кастрена, признал его очень значительным и в основном правильным, но счел нужным выправить его в части койбальско-немецкого словаря и образцов койбальских текстов. В результате родилась исправленная версия койбальско-немецкого словаря и койбальских текстов М.-А. Кастрена [Katanov, 1886]. Предисловие к этой работе написал учитель Н. Катанова – выдающийся ориенталист В. В. Радлов, сам Н. Катанов предпослал исправленному словарю введение.

Далее изучение койбальского наречия как тюркского, начавшееся с М.-А. Кастрена–В. В. Радлова–Н. Ф. Катанова, было продолжено. Широко развернулось исследование языков Присяянья во второй половине XIX–XX вв. В первый период этого длительного этапа были систематизированы сведения обо всех языковых образованиях этой части Южной Сибири (Л. П. Потапов, Н. А. Баскаков, Хакасско-русский словарь 1953 г. и грамматический очерк в нем, С. И. Вайнштейн). Во втором периоде, когда дело изучения языков Южной Сибири было поставлено на серьезную научную и организационную основу, койбальский говор, как и другие территориальные разновидности хакасского языка, был описан достаточно подробно (В. Г. Карпов, М. И. Боргояков, Д. Ф. Патачакова, Д. И. Чанков, О. П. Анжиганова, Грамматика 1975 г., Хакасско-русский словарь 2006 г.).

Особое отношение к этому идиому у лингвистов-исследователей хакасского языка выработалось достаточно давно. Замечания о его отличительных особенностях и месте на языковой карте региона встречаются в трудах исследователей советского периода, а также у современных авторов [Боргояков, 1959; Боргояков, 1981, с. 25–33; Анжиганова, 1992; Патачакова, 1992, с. 20–22; Кыштымова, 2010, с. 10–11; Кызласов, 2003, с. 7–15; Субракова, 2006, с. 9–16; Белоглазов, 2018].

Кратко о формировании койбальского говора можно сказать следующее: он появился в результате полной ассимиляции языком тюркского типа одного из небольших самодийских языков Южной Сибири (в период XIII–XVIII вв.). В настоящее время является общепризнанным фактом, что в древности самодийские языки имели широкое распространение на территории Присяянья. Но тюркские языки, распространившиеся позднее, часть этих языков оттеснили к северу, а другую часть ассимилировали [Кызласов, 1959; Хелимский, 1982, с. 35–37; Кюннап, 1993; Хелимский, 1996, с. 108–110].

Следы былого обитания здесь самодийцев, оставшиеся, к примеру, в виде многочисленных гидронимов, убедительно это доказывают. Но есть, оказывается, и более значительный «след», оставшийся после того, как самодийцы перестали быть актерами в этом регионе: это койбальский говор хакасского языка.

Рассмотрим его появление с позиций теории развития языков и их взаимодействия. Ряд выдающихся тюркологов в свое время внесли значимый вклад в разработку этих вопросов [Тенишев, 1971; Черемисина, 2002, с. 220–244; Убрятова, 2011]. В частности, согласно теории М. И. Черемисиной, различаются четыре основных пути (и результата) развития языков на исторической сцене: скрещивание, ассимиляция, языковые союзы и культурное взаимодействие. Исследуемый говор, по всей видимости, явился результатом полной ассимиляции небольшой обособленной группы самодийцев после прихода на эту территорию тюрков.

Ассимиляционные процессы затрагивают, прежде всего, лексику и фонетику языка. На первых этапах новый язык усваивается в своей базовой лексике, затем этот круг расширяется, и постепенно народ переходит на новую лексическую и фонетическую систему. При этом от старого лексикона может и остаться некоторое количество слов, однако и они меняются в своём произношении. Так, по предварительным данным в койбальском говоре до сих пор фиксируется около 50 слов, не совпадающих с вариантами хакасского литературного языка. В частности, к числу слов, предположительно исконно койбальских, относятся: **ай** ‘полевой лук’, **алда** ‘соболь’, **ка** ‘лось’, **кичек** ‘кукла’, **марго** ‘крупный (о новорожденном теленке, ягненке)’, **орбаң** ‘колебательное движение, колебание’ [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 38–311].

Этот список, безусловно, можно пополнить: к примеру, в уже упоминавшейся работе М. И. Боргоякова есть ссылки на небольшие словники койбальского говора, содержащиеся в источниках XVIII–XIX вв. [Боргояков, 1981, с. 125–141]. Однако некоторые выводы можно сделать, исходя из вышеприведённого списка. Большинство этих слов, будучи проговорёнными, демонстрируют набор и сочетаемость звуков уральского типа (как известно, противопоставленную алтайскому звукоряду). Ряд слов укладывается и в схемы компаративистики, т.е. для них реконструируется древний корень уральского или самодийского праязыков. Самыми показательными в этом смысле являются, на наш взгляд, слова **улу** ‘голова’ и **аи** ‘дверь’: первое из них можно возвести к тому же корню уральского праязыка, от которого произошли слова современных языков со значениями ‘верхний’, ‘крыша’ (ср. хант. *улы-мулы* ‘безголовый’), а второе – к прафинно-угорскому слову со значениями ‘открывать’, ‘отворять’, ‘развязывать’ (ср. хант. *ов*, финск. *ovi* ‘дверь’) [Основы финно-угорского языкознания, 1974, с. 407, 418–419].

Еще один перечень «койбальских слов» выявляется в результате анализа академического Хакасско-русского словаря. В него входят, в частности, следующие лексические единицы (обратим внимание на то, что в большинстве случаев в словарной статье указывается и основное, тюркское, слово):

АЙ II *койб.* полевой лук; *см.* **көбiрген** [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 38].

АЛДА *койб.* соболь; *см.* **албыга** [Там же, с. 53].

КА *койб. уст.* лось; *см.* **пулан** [Там же, с. 149].

КIЧЕК *койб.* кукла (из тряпок); *см.* **ончаа; кiчек ойнирға** играть в куклы [Там же, с. 180].

ПОЛЧАМ *койб.* холмик; *см.* **тöн; тöнейек** [Там же, с. 378].

В словаре фиксируются также случаи, когда слово является употребительным и в койбальском говоре, и в каком-либо другом территориальном ответвлении хакасского языка (к примеру, в сагайском диалекте). Это явление мы объясняем тем, что процесс ассимиляции протекал сложно, неоднозначно, в том числе и в отношении результата: на этой определенной территории привилась именно сагайская лексема, а в литературный язык была вовлечена другая (но также, безусловно, тюркская).

АРСЫГ *саг., койб.* пережат; *см.* **артым; суғ арсыгы** пережат на реке; **арсыгча кизерге** переходить [реку] по пережату [Там же, с. 77].

ОЙНАСТИРҒА / ойнаста- *саг., койб.* 1) развратничать, прелюбодействовать; 2) быть в любовной связи с кем-л. [Там же, с. 298].

ÖZEK (-gi) *саг., койб.* кол; колышек; *см.* **öрген I; ос öзек** осиновый кол; **өзек хазирға** забить кол [Там же, с. 321].

СЫЫМ *койб.* край, грань; *см.* **хыр I** [Там же, с. 563].

ТОСХАР *койб.* корыто; *см.* **көлбе; тосхардаң пызо суғарчаннар** телят поили из корытца [Там же, с. 655].

ТОХАЙ *койб.* омут; **палых хысхызын тохайға түсче** рыба зимует в омуте [Там же, с. 656].

ТОХПАХ II ... обрубок ... [сочетание:] **тохпах пайлаң** *койб. зоол.* широколобка [Там же, с. 656].

ТҮҮБЕН *койб.* заботы, хлопоты; **ол түүбenni кем көрчен, кем көдiрчен?** кто сможет справиться, вынести подобные хлопоты? [Там же, с. 696].

Безусловно, вызывают интерес, прежде всего, слова для обозначения диких животных. Вероятность того, что они сохранились от самодийского праязыка, очень велика: эти слова обозначают животных, которые не водятся в степи, откуда пришли тюрки. К приведенным выше можно добавить еще одно слово, со значением ‘белка’. Ср., например, рассуждение о нем в исследовании по тувинскому языку:

«**сарбай** *диал.* ‘белка (самка)’. Слово, сходное с хак. *сарбах* ‘белка’, которое осмыслено как индизказательное наименования или как эвфемизм и, очевидно, связано с *сарбах* ‘озорник, драчун (о детях)’ и ‘подросток’ <...> Не ясно по своему происхождению аналогичное с рассмотренными як. *саарба* ‘соболь, куница’, к которому М. Ряснен с сомнениями (со знаком вопроса) предложил финно-угорские параллели» [Татаринцев, 2018, с. 68].

Мы думаем, что предположения выдающегося финно-угроведа М. Ряснена не были обоснованными. Достаточно сравнить тюркское звучание этого слова (*sarbox*) с произношением предполагаемого эквивалента в некоторых уральских языках:

белка: **ora* > ф. *orava*, эс. *orav (orava)*, с. *oar're*, э. *ур, уро*, м. *ур, мр. ур*, к. *ур* [Основы финно-угорского языкознания, 1974, с. 428].

Что касается слов типа **орбаң** ‘колебательное движение, колебание’ и **полчам** ‘холмик’, следует проверить, не являются ли они тюркскими, лишь фонетически преобразившимися при контакте с самодийским языком. В словаре (с пометой *койб.*) их приводится достаточно много.

Некоторые из этих слов могут быть возведены к древнетюркским основам, впоследствии усеченным (или иначе преобразованным). В ряде случаев наблюдается явное семантическое пересечение (хакасских и древнетюркских слов). Ср., например, названия полевого лука и другого (или того же самого?) растения, а также вышитого кармана и чересседельной переметной сумы (являющейся, по сути, большим карманом):

AJRIQ *бот.* пырей [Древнетюркский словарь, 1969, с. 30].

MANCUQ чересседельная переметная сума [Там же, с. 336].

Мы полагаем, что в случае со словами **ай** ‘полевой лук’ и **алда** ‘соболь’ нужно признать обоснованной ту точку зрения, согласно которой они возводятся к древнетюркским корням [Татаринцев, 2000, с. 76–77, 103–104; Широбокова, 2005, с. 63]. Но интересно, что для обозначения пушного зверька в хакасском языке используется слово *кис* [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 179–180], которое как раз считается заимствованием из самодийских языков [Широбокова, 2005, с. 68]. В этом случае проблема, видимо, заключается в том, что необходимо объяснить, как общетюркское слово сохранилось в койбальском говоре (восходящем к самодийскому языку), и утрачено в сагайском и других диалектах, изначально тюркских.

Из современных исследователей о самодийском (а также и тунгусском, и кетском) субстрате в тюркских саянских языках впервые определенно высказался С. И. Вайнштейн. Именно его докторскую диссертацию о происхождении тувинского народа [Вайнштейн, 1969] упоминает В. И. Рассадин в своей работе по тофаларскому языку, рассуждая о взаимодействии языков разных семей в регионе Саян. И вот что, в частности, он пишет по поводу самодийских элементов в тофаларском:

«Соответствия в самодийских языках находит тофаларское слово *ире* ‘предок’, ‘медведь’, оно совпадает с ненецким *ири* 1) дед, дедушка; 2) прадедушка; 3) старший брат отца или матери; 4) свекор; 5) старший брат мужа; 6) все мужчины из рода мужа старше его; 7) перен. медведь, волк. У нганасан слово *ири* также означает ‘дед’. В селькупском языке слово *ира* означает ‘старик’. Тофаларское *аба* ~ *ава* ‘мама’ (звательная форма при обращении к матери) совпадает по значению и по звучанию с нганасанским словом *аба* ‘мама’. Однако в словаре Махмуда Кашгарского слово *аба* в значении ‘мать’ приводится как огузское. Тофаларское слово *соо* ‘маленькое ведерко из бересты, предназначенное для доения оленей’ совпадает со словом *со* ‘береста’ из самодийского койбальского языка. Ср. также ненецкое слово *хо* ‘береза’, моторское *ку* ‘береза’...» [Рассадин, 2014, с. 54].

Таким образом, наличие указанной группы слов, хотя и свидетельствует о самодийском субстрате, позволяет сделать вывод о почти полном замещении самодийской лексики тюркской (сохранившийся состав вытеснен на периферию лексической системы).

С точки зрения грамматической типологии современный койбальский говор, безусловно, является тюркским. Чтобы в этом убедиться, достаточно внимательно прочитать (или прослушать), например, следующий текст об изготовлении национального блюда. (Приводится он в сборнике 1992 г., здесь для наглядности размещен в таблице 1).

Таблица 1

Текст на койбальском	Перевод
1. Топленай масланы хайылдырган хайах, үсте:н де: хайах тіфча:ла:р, хайзы хайылдыр салған, хайзы үстеп салған тіфча.	1. Топлёное масло называют и хайылдырган (букв.: растаявшее), и топлёное масло, некоторые говорят (я) растаял масло, некоторые – растопил.
2. Сметен потхы и:дівал, анаң үстүне талған урувс, умурталған то:ладыс.	2. Сделай сметанную потхы, наверх посыпать талған, талған из умурта (черемуховый).
3. Чичинала: умуртох тіфча, Чылтыгашефте:р, Миндибекофта:р олар умуртох тіфча:ла:р.	3. Чичининцы (жители Чичины) тоже умурт, говорят, Мылтыгашевы, Миндибековы, они тоже умурт, называют.

4. Хыйманы пик арах тудуф, пик арах суғуф о:дыраға кирек, көмес суғуф, палғавзаға.	4. Хыйма (толстые кишки лошади) держать крепко, натолкать посильнее (мясо), связать.
5. Па:рды се:чке: начыфча:м. [Образцы..., 1992, с. 175–176].	5. Печень крошу в сечке. [Там же, с. 177].

Этот текст далее можно анализировать в разных аспектах, но, на наш взгляд, он очень показателен в плане выражения в нем аспектуальной семантики (глагольными формами). Известно, что в тюркских языках выражение аспекта действия существенно отличается от того способа, который «принят» в других языках. Ярким примером здесь является оппозиция русских глаголов совершенного и несовершенного видов. В тюркских языках, напротив, получил распространение способ суффиксального оформления (и тем самым дифференциации) основных характеристик действия: скоротечности (при этом может быть указана мгновенность начальной или конечной фазы) ~ длительности ~ регулярной повторяемости ~ завершенности (результативности). В приведённом отрывке данное положение подтверждается использованием глагольных слов *хайылдырган* ‘топлёный’, *тифчалар* ‘говорят’, *хайылдыр салган* ‘растопил’, *ўстен салган* ‘растопил’, *идивал* ‘сделай’, *тудуф* ‘держа’, *суғуф одыр* ‘засовывая’, *палғавзаға* ‘завязать’, *начыфчам* ‘крошу’. (Графемой **ф** в данном случае отражается специфическое койбальское произношение тюркского звука [п]).

Обращает на себя внимание и типично тюркское оформление грамматической категории числа. В частности, системно-разговорное противопоставление единичности и множественности проявляется в употреблении глагольных форм *тифча* ‘говорит’ (обобщенно: каждый житель этого поселения так говорит) и *тифчалар* ‘говорят’. Аналогичные закономерности в образовании и функционировании числовых аффиксов наблюдаются и в других диалектах хакасского языка, в частности, в качинском [Патачакова, 1964, с. 7–11].

В генетических классификациях современный койбальский говор хакасского языка (что видно уже из названия) определяется как часть тюркского континуума. Исследователи хакасского языка советского периода достаточно подробно описывали фонетику, лексику и грамматику койбальского говора [Патачакова, 1973, с. 22–31; Боргояков, 1981, с. 8–32; Анжиганова, 1992; Карпов, 2007, с. 108–160].

На примере следующих фрагментов удобно показать специфику тюркского выражения залоговой семантики (таблицы 2, 3).

Таблица 2

Текст на койбальском	Перевод
1. Мында өскем, Миткоң аалы адалчаң.	1. Здесь росла, называется аал Миткон.
2. А:гырвала чуртавча:вс.	2. Живем бодем (букв.: болеючи живем).
3. Ко:ска, инек, хуста:рыс парох.	3. Есть кошка, корова, птица тоже есть (у нас).
4. От-покосты көрви:нде:че:вс, олғанна: пилетеп пирзе, чуртавох парчаң полваспыспаза.	4. Траву-покос и не видим, если дети наготовят, проживем, наверное.
5. Ам олады ла сахтап пас чөрче:вс.	5. Сейчас только их и ждем.
6. Анаң ол чавал туравстан сых полви:нча:вс, пасха чирде үгрен полваспыс.	6. Потом из (своего) старого дома не можем выехать, привыкнуть не можем на другом месте.
7. Хайди анда (городта) төге ле чили о:дырчадам, одырла одыр анда.	7. Как (я в городе) буду сидеть, словно пень, сиди и сиди там.
8. Талас парча:вс, апараға ла тифчеле:р чирсуғдаң параға уға: а:р ние полтыр.	8. Спорим, только и говорят, что увезти. Оказывается, очень тяжело из родных мест уезжать.
9. Стари:гыма тифчам, хыставох ала:ң.	9. Говорю старику (своему), давай еще презимируем.
10. Пызо:вс ол па:рды, та:ра:н от чивізіф.	10. Теленок (наш) сдох, съев посеянную траву.
11. Пір ле инек артысхафс, хой тутча:фс.	11. Оставим только корову, держим овец.
12. Магазинге ние килви:нче.	12. В магазин ничего не поступает (букв.: не идет).

13. Олғанна: килзе, сох пирче:вс (хойны), анаң паза чылда килча:ла. [Образцы..., 1992, с. 180].	13. Если дети приезжают, закалываем (овцу), потом приезжают на следующий год [Образцы..., 1992, с. 181].
---	--

Таблица 3

Текст на койбальском	Перевод
1. Хызыча: үре:н, ам парла:вс сөгине:.	1. Умерла дочь, теперь (все мы) пошли к покойнице.
2. О:врасты тунүре сал салтыр, ам чо:хтафча: «Ам сө:к-са:гы хайыл парар».	2. Икону перевернула вниз, говорит, что тело и кости сгниют (букв.: растут).
3. Пир де: ылгави:ча, сире идезе: киректи тифче, мин итпессим тифче, тамах орти:ге иткенде, ча:гын да: килве:н.	3. Совершенно не плачет, поминки вы будете делать, говорит; когда приготовились жечь пищу (пища, принесенная для покойника родственниками), даже близко не подошла.
4. О:дырлафчала:.	4. Сидят.
5. Ниме: иеговис полча тифча:.	5. Зачем (она) иеговистка, говорит.
6. Окис-ча:выста:га чөрлепчырла:.	6. Они, оказывается, ходят к сиротам, бедным.
7. Хандырох са:вылчаттырла: анда:. [Образцы..., 1992, с. 181].	7. Как, оказывается, тянутся к ним [Там же, с. 182].

Как известно, в алтайском, хакасском и многих других тюркских языках залог является лексико-грамматической категорией: «не все аффиксы залогового типа принимают участие в образовании грамматических форм залога; часто эти аффиксы образуют новые слова, лексическое значение которых отличается от лексического значения исходного глагола» [Алмадакова, 2005, с. 94]. В хакасском языке, соответственно, наблюдаются и «нередкие случаи слияния залогового аффикса с корнем глагола», и разные схемы образования сложных залоговых форм [Карпов, 2007а, с. 77; Карпов, 2007б, с. 128–129].

В приведённых отрывках наличие указанных явлений подтверждается использованием глагольных слов (или глагольно-именных сочетаний): *оскем* ‘(я) росла’, *пилетеп пирзе* ‘если наготовят’, *ар ниме полтыр* ‘оказывается, тяжело уезжать’, *хыставах алаң* ‘давай перезимуем’, *идезе киректи* ‘будете делать поминки’, *савылчаттырла* ‘тянутся’.

Таким образом, вышеназванные лексические и проявляющиеся в тексте фонетические и грамматические явления указывают на то, что, как уже было сказано выше, койбальский говор появился в результате ассимиляции языком тюркского типа одного из самодийских языков Южной Сибири в XIII–XVIII вв.

Подобные записи, а также материалы словарей и других печатных изданий, подтверждают наличие у койбальского говора базовых признаков языка тюркского типа: исторически сложившийся фонемный состав, закономерно обусловленные сочетания согласных, сингармонизм, шестиместная именная падежная парадигма, определенный набор форм глагольного наклонения-времени. Добавим к тому черты, определяющие специфику языков алтайской типологической общности в целом: преимущественная однозначность аффиксов; действие категории принадлежности и в сфере имени, и в сфере глагола; единообразная система залоговых форм; богатство системы инфинитных форм и на основе последней – развернутая система зависимой предикации [Убрятова, 1959, с. 145–146; Никонов, 1988, с. 49–54; Гаджиева, 1990, с. 528–529; Черемисина, 1992, с. 81–83; Чертыкова, 1992; Широбокова, 2005, с. 178–186].

В этот список следует добавить признаки и свойства, также единые для тюркских языков, но отличающие их от языков уральского типа. В дополнительный перечень входят следующие признаки: наличие изафетной конструкции; приблизительно равный объем дериватом каузатива и декаузатива, дифференциальное маркирование объекта, морфологическое противопоставление императива, юссива и гортатива, имплицативная реализация граммем категорий числа-падежа и детерминации, морфологическое выраже-

ние обусловленной модальности, специфический набор средств выражения эвиденциальности [Плунгян, 2000, с. 287–303; Каксин, 2013, с. 51–82].

Другими словами, общий строй исследуемого идиома характеризуется в целом как алтайский (и это одна сторона того типологического подхода к языку, которого мы придерживаемся). Имеются отдельные явления (преимущественно лексические), не вписывающиеся в эту парадигму, но их присутствие легко объясняется: они «остались» от того далекого по времени состояния, когда люди, населявшие эти места, говорили на самодийском койбальском языке. Говоря о другом аспекте типологии (если продолжать данную линию), можно заключить следующее: койбальский говор относится к типу языковых образований, появившихся в результате ассимиляции одного языка другим. Суть названного процесса очень точно описана М. И. Черемисиной: ассимиляция «заканчивается смертью более слабого языка, который не оказывает сколько-нибудь заметного влияния на судьбу поглотившего его языка – гораздо более сильного. Носители ассимилируемого языка переходят на новый язык и вливаются в состав этноса, представленного этим языком, принимая его культуру, образ жизни и верования» [Черемисина, 2002, с. 236].

Список сокращений

в. – венгерский язык, к. – коми язык, койб. – койбальский говор хакасского языка, м. – мокшанский язык, мр. – марийский язык, мс. – мансийский язык, н. – ненецкий язык, с. – саамский язык, саг. – сагайский диалект хакасского языка, сам. – самодийский (праязык) язык, у. – удмуртский язык, ф. – финский язык, хак. – хакасский язык, э. – эрзянский язык, эс. – эстонский язык, як. – якутский язык.

Список литературы

- Алмадакова Н. Д. Грамматическая категория залога в алтайском языке. Горно-Алтайск, 2005. 120 с.
- Анжиганова О. П. Койбальский говор хакасского языка (О некоторых особенностях гласных по материалам ДАТЯС) // Хакасская диалектология: Сборник статей и материалов. Абакан, 1992. С. 51–64.
- Белоглазов П. Е. Возникновение первичных омонимов в хакасском языке // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2018. № 3 (23). С. 4–7.
- Боргояков М. И. Источники и история изучения хакасского языка. Абакан, 1981. 144 с.
- Боргояков М. И. О некоторых терминах, связанных с историей хакасов // Учен. зап. ХакНИИЯЛИ. 1959. Вып. 7. С. 135–139.
- Боргояков М. И. О проблемах формирования и развития хакасского языка. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1978.
- Гаджиева Н. З. Тюркские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / Глав. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 527–529.
- Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Каксин А. Д. Хакасский язык в аспекте лингвистической типологии. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Абакан, 2013. 108 с.
- Карпов В. Г. О категории залога в хакасском языке // Хакасский язык: проблемы и перспективы развития. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Абакан, 2007а. С. 77–78.
- Карпов В. Г. Система глагола в современном хакасском языке (структурный и функционально-семантический аспекты) // Хакасский язык: проблемы и перспективы развития. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Абакан, 2007б. С. 105–161.
- Карпов В. Г., Насилов Д. М. Хакасский язык – один из государственных языков Республики Хакасия // Хакасский язык: проблемы и перспективы развития. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2007. С. 244–256.
- Кононов А. Н. Тюркология // Лингвистический энциклопедический словарь / Глав. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 525–527.
- Кызласов А. С. Структура корневых лексем в хакасском языке. Абакан, 2003. 152 с.

- Кызласов Л. Р. К вопросу об этногенезе хакасов // Учен. зап. ХНИИЯЛИ. Вып. 7. Абакан, 1959. С. 70–92.
- Кыштымова Г. В. Особенности вокализма хакасских диалектов на фоне тюркских языков и диалектов Южной Сибири // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Абакан, 2010. Сер. 5: Языкознание. Вып. 10. С. 9–12.
- Кюннан А. Койбалский язык // Языки мира: Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 389.
- Насилов Д. М. Об алтайской языковой общности (К истории проблемы) // Тюркологический сборник-1974. М., 1978. С. 90–108.
- Никонов В. А. Об этногенетических связях хакасов по данным сочетания согласных в их языке // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1988. С. 48–56.
- Образцы речи койбалов / Тексты записаны, переведены и подготовлены к печати О. П. Анжигановой // Хакасская диалектология: Сб. статей и материалов. Абакан, 1992. С. 174–182.
- Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 340 с.
- Патачакова Д. Ф. Диалектные различия в хакасском языке, возникшие вследствие эволюции согласных F и Г // Хакасская диалектология: Сб. статей и материалов. Абакан, 1992. С. 19–31.
- Патачакова Д. Ф. Словообразование – активный источник обогащения лексики современного хакасского языка // Учен. зап. ХакНИИЯЛИ. 1973. Вып. 18. С. 19–31.
- Патачакова Д. Ф. Способы выражения категории множественности в качинском диалекте хакасского языка // Учен. зап. ХакНИИЯЛИ. 1964. Вып. 10. С. 3–12.
- Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику / Учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
- Понарядов В. В. Опыт реконструкции урало-монгольского праязыка. Сыктывкар, 2011. 44 с.
- Рассадин В. И. Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2014. 218 с.
- Субракова В. В. Система согласных сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект / Отв. ред. И. Я. Селютин. Новосибирск, 2006. 244 с.
- Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1: А–Б. 341 с.
- Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2018. Т. 5: С. 180 с.
- Тенишев Э. Р. К понятию «общетюркское состояние» // Советская тюркология. 1971. № 2. С. 13–16.
- Убрятова Е. И. Взаимодействие языков на материале взаимоотношений якутского и эвенкийского языков // Доклады и сообщения (Институт языкознания АН СССР). 1956. № 9. С. 85–92.
- Убрятова Е. И. Из выступления на научной конференции, посвященной 250-летию добровольного присоединения Хакасии к России // Учен. зап. ХакНИИЯЛИ. 1959. Вып. VII. С. 140–146.
- Хелимский Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели: Лингвистическая и этногенетическая интерпретация. М.: Наука, 1982. 164 с.
- Хелимский Е. А. Очерк истории самодийских народов // Финно-угорский мир: Справочник по истории, культуре и языку. Будапешт; М., 1996. С. 101–115.
- Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- Черемисина М. И. Язык и его отражение в науке о языке. Новосибирск, 2002. 254 с.
- Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1992. 92 с.
- Чертыкова М. Д. Аффиксы сказуемости в говоре населения улуса Верх-Киндирла // Хакасская диалектология: Сб. статей и материалов. Абакан, 1992. С. 65–71.
- Широбокова Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири / Отв. ред. Л. А. Шамина. Новосибирск: Наука, 2005. 269 с.
- Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten. I–III. S.-Petersburg, 1849–1851.
- Castrén M.-A. Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den Tatarischen Mundarten des Minussinschen Kreises. S.-Petersburg, 1857.
- Joki A. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen // Mémoires de la Société Finno-ougrienne (Helsinki). 1952. №103. 393 S.

Katanov N. Castren's Koibalisch-Deutsches Wörterverzeichnis und Sprachproben es Koibalischen Dialectes. Neu transscribirt von N. Katanoff // *Mélanges Asiatiques, tires du Bulletin de L'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*. 1886. № 2. T. IX. S. 97–205.

References

- Almadakova N. D. *Grammaticheskaya kategoriya zaloga v altayskom yazyke* [Grammatical category of pledge in the Altai language]. Gorno-Altaysk, 2005, 120 p. (In Russ.).
- Anzhiganova O. P. Koybal'skiy govor khakasskogo yazyka (O nekotorykh osobennostyakh glasnykh po materialam DATYaS) [Koibal dialect of the Khakass language (On some features of vowels based on DAT'AS materials)]. In: *Khakasskaya dialektologiya: Sbornik statey i materialov* [Khakass dialectology: Collection of articles and materials]. Abakan, 1992, pp. 51–64. (In Russ.).
- Beloglazov P. E. Vozniknovenie pervichnykh omonimov v khakasskom yazyke [Occurrence of the primary homonyms in Khakass]. *Sayan-Altai scientific review*. 2018, no. 3 (23), pp. 4–7. (In Russ.).
- Böhtlingk O. *Über die Sprache der Jakuten*. I–III. St. Petersburg, 1849–1851.
- Borgoyakov M. I. *Istochniki i istoriya izucheniya khakasskogo yazyka* [Sources and history of Khakass language study]. Abakan, 1981, 144 p. (In Russ.).
- Borgoyakov M. I. O nekotorykh terminakh, svyazannykh s istoriey khakasov [About some terms related to the history of Khakass]. *Scientific notes of KhRILLH*. Abakan, 1959, iss. 7, pp. 135–139. (In Russ.).
- Borgoyakov M. I. *O problemakh formirovaniya i razvitiya khakasskogo yazyka* [About problems of formation and development of Khakass language]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Alma-Ata, 1978. (In Russ.).
- Castrén M.-A. *Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den Tatarischen Mundarten des Minussinschen Kreises*. St. Petersburg, 1857.
- Cheremisina M. I. *Yazyk i ego otrazhenie v nauke o yazyke* [Language and its reflection in language science]. Novosibirsk, 2002, 254 p. (In Russ.).
- Cheremisina M. I. *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1992, 92 p. (In Russ.).
- Chertykova M. D. Affiksy skazuemosti v govore naseleniya ulusa Verkh-Kindirla [Affixes of fairness in the dialect of the population of the ulus Verkh-Kindirla]. In: *Khakasskaya dialektologiya: Sbornik statey i materialov* [Khakasskiy dialectology: Collection of articles and materials]. Abakan, 1992, pp. 65–71. (In Russ.).
- Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tennishev, A. M. Shcherbak (Eds). Leningrad, Nauka, 1969, 676 p. (In Russ.).
- Gadzhieva N. Z. Tyurkskie yazyki [Turkic languages]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slova'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. V. N. Yartseva (Ed. in .Ch.). Moscow, Sov. entsikl., 1990, pp. 527–529. (In Russ.).
- Joki A. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen. *Mémoires de la Société Finno-ougrienne (Helsinki)*. 1952, no. 103, 393 p.
- Kaksin A. D. *Khakasskiy yazyk v aspekte lingvisticheskoy tipologii* [Khakass language in the aspect of linguistic typology]. Abakan, Katanov KhSU Publ., 2013, 108 p. (In Russ.).
- Karpov V. G. O kategorii zaloga v khakasskom yazyke [About the pledge category in Khakass]. In: *Khakasskiy yazyk: problemy i perspektivy razvitiya* [Khakass language: problems and prospects of development]. Abakan, Katanov KhSU Publ., 2007a, pp. 77–78. (In Russ.).
- Karpov V. G. Sistema glagola v sovremennom khakasskom yazyke (strukturnyy i funktsional'no-semanticheskii aspekt) [Verb system in modern Khakass (structural and functional-semantic aspects)]. In: *Khakasskiy yazyk: problemy i perspektivy razvitiya* [Khakass language: problems and prospects of development]. Abakan, Katanov KhSU Publ., 2007b, pp. 105–161. (In Russ.).
- Karpov V. G., Nasilov D. M. Khakasskiy yazyk – odin iz gosudarstvennykh yazykov Respubliki Khakasiya [Khakass language – one of the state languages of the Republic of Khakassia]. In: *Khakasskiy yazyk: problemy i perspektivy razvitiya* [Khakass language: problems and prospects of development]. Abakan, Katanov KhSU Publ., 2007, pp. 244–256. (In Russ.).

Katanov N. Castren's Koibalisch-Deutsches Wörterverzeichnis und Sprachproben es Koibalischen Dialectes. Neu transscribirt von N. Katanoff. *Mélanges Asiatiques, tires du Bulletin de L'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg*. 1886, vol. 9, no. 2, pp. 97–205.

Khakassko-russkiy slovar' [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (In Khakass., In Russ.).

Khelimskiy E. A. *Drevneyshie vengersko-samodiyskie yazykovye paralleli: Lingvisticheskaya i etnogeneticheskaya interpretatsiya* [The oldest Hungarian-Samoyed language parallels: Linguistic and ethnogenetic interpretation]. Moscow, Nauka, 1982, 164 p. (In Russ.).

Khelimskiy E. A. Oчерк istorii samodiyskikh narodov [Essay on the history of Samoyed peoples]. In: *Finno-ugorskiy mir: Spravochnik po istorii, kul'ture i yazyku* [Finno-Ugric world: Handbook of history, culture and language]. Budapest, Moscow, 1996, pp. 101–115. (In Russ.).

Kononov A. N. Tyurkologiya [Turkology]. In: *Lingvisticheskii entsiklopedicheskiy slova'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. V. N. Yartseva (Ed. in .Ch.). Moscow, Sov. entsikl., 1990, pp. 525–527. (In Russ.).

Kyzlasov A. S. *Struktura kornevykh leksem v khakasskom yazyke* [Structure of root lexemes in Khakass]. Abakan, 2003, 152 p. (In Russ.).

Kyzlasov L. R. K voprosu ob etnogeneze khakasov [On the issue of ethnogenesis of the Khakass]. *Scientific notes of KhRILLH*. Abakan, 1959, iss. 7, pp. 70–92. (In Russ.).

Kyshtymova G. V. Osobennosti vokalizma khakasskikh dialektov na fone tyurkskikh yazykov i dialektov Yuzhnoy Sibiri [Features of the vocalism of Khakass dialects against the background of Turkic languages and dialects of Southern Siberia]. *Vestnik KhGU im. N. F. Katanova*. 2010. Ser. 5: Yazykoznanie, iss. 10, pp. 9–12. (In Russ.).

Kyunnap A. Koybal'skiy yazyk [Koybal language]. In: *Yazyki mira: Ural'skie yazyki* [Languages of the world: Uralic languages]. Moscow, Nauka, 1993, p. 389. (In Russ.).

Nasilov D. M. Ob altayskoy yazykovoy obshchnosti (K istorii problemy) [About the Altai language community (To the history of the problem)]. In: *Tyurkologicheskiy sbornik-1974* [Turkological Collection-1974]. Moscow, 1978, pp. 90–108. (In Russ.).

Nikonov V. A. Ob etnogeneticheskikh svyazyakh khakasov po dannym sochetaniya soglasnykh v ikh yazyke [About ethnogenetic connections of Khakass according to the combination of consonants in their language]. In: *Istoriko-kul'turnye svyazi narodov Yuzhnoy Sibiri* [Historical and cultural relations of South Siberian peoples]. Abakan, 1988, pp. 48–56. (In Russ.).

Obraztsy rechi koybalov. Teksty zapisany, perevedeny i podgotovleny k pechati O. P. Anzhiganovoy [Samples of the speech of Koybal. Samples of speech koibals. Texts written down, translated and prepared for printing by O. P. Anzhiganova]. In: *Hakasskaya dialektologiya: Sbornik statej i materialov*. [Khakas dialectology: Collection of articles and materials]. Abakan, 1992, pp. 174–182. (In Russ.).

Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaneya. Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Issues of origin and development of Finno-Ugric languages]. Moscow, Nauka, 1974, 340 p. (In Russ.).

Patachakova D. F. Dialektnye razlichiya v khakasskom yazyke, vznikshie vsledstvie evolyutsii soglasnykh F i G [Dialect differences in the Khakass language that arose as a result of the evolution of consonants F and G]. In: *Hakasskaya dialektologiya: Sbornik statej i materialov*. [Khakas dialectology: Collection of articles and materials]. Abakan, 1992, pp. 19–31. (In Russ.).

Patachakova D. F. Slovoobrazovanie – aktivnyy istochnik obogashcheniya leksiki sovremennogo khakasskogo yazyka [Word formation is an active source of enrichment of the vocabulary of the modern Khakass language]. *Scientific notes of KhRILLH*. 1973. Abakan, iss. 18, pp. 19–31. (In Russ.).

Patachakova D. F. Sposoby vyrazheniya kategorii mnozhestvennosti v kachinskom dialekte hakasskogo yazyka [Ways to express the multiplicity category in the Kachin dialect of the Khakass language]. *Scientific notes of KhRILLH*. 1964, iss. 10, pp. 3–12. (In Russ.).

Plungyan V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku. Uchebnoe posobie* [General morphology: Introduction to problems. Textbook]. Moscow, Editorial URSS, 2000, 384 p. (In Russ.).

Ponaryadov V. V. *Opyt rekonstruktsii uralo-mongol'skogo prayazyka* [Experience of reconstruction of the Ural-Mongolian language]. Syktyvkar, 2011, 44 p. (In Russ.).

Rassadin V. I. *Tofalarskiy yazyk i ego mesto v sisteme tyurkskikh yazykov* [Tofalar language and its place in the Turkic language system]. Elista, KalmSU Publ., 2014, 218 p. (In Russ.).

Shirobokova N. N. *Otnoshenie yakutskogo yazyka k tyurkskim yazykam Yuzhnoy Sibiri* [Relation of the Yakut language to the Turkic languages of Southern Siberia]. L. A. Shamina (Ed. in Ch.). Novosibirsk, Nauka, 2005, 269 p. (In Russ.).

Subrakova V. V. *Sistema soglasnykh sagayskogo dialekta khakasskogo yazyka: sopostavitel'nyy aspekt* [System of consonants of the Sagai dialect of the Khakass language: comparative aspect]. I. Ya. Selyutina (Ed. in Ch.). Novosibirsk, 2006, 244 p. (In Russ.).

Tatarintsev B. I. *Etimologicheskij slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka, 2000, vol. 1: A–B, 341 p. (In Russ.).

Tatarintsev B. I. *Etimologicheskij slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka, 2018, vol. 5: C, 180 p. (In Russ.).

Tenishev E. R. К ponyatiyu “obshchetyurkskoe sostoyanie” [To the concept of “general Turkic state”]. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1971, no. 2, pp. 13–16. (In Russ.).

Ubryatova E. I. Vzaimodeystvie yazykov na materiale vzaimootnosheniy yakutskogo i evenkiyskogo yazykov [Interaction of languages on the material of relations between Yakut and Evenki languages]. *Doklady i soobshcheniya (Institut yazykoznaniya AN SSSR)*. 1956, no. 9, pp. 85–92. (In Russ.).

Ubryatova E. I. Iz vystupleniya na nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 250-letiyu dobrovol'nogo prisoyedineniya Khakasii k Rossii [From a speech at a scientific conference dedicated to the 250th anniversary of the voluntary accession of Khakassia to Russia]. *Scientific notes of KhRILLH*. 1959, iss. 7, pp. 140–146. (In Russ.).

*Материал поступил в редколлегию
The manuscript was submitted on
04.06.2020*

Сведения об авторе

Каксин Андрей Данилович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия)

E-mail: adkaksin@yandex.ru

ORCID 0000-0001-9632-8286

Information about the Author

Andrey D. Kaksin – Doctor of philology, leading researcher, N. F. Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation)

E-mail: adkaksin@yandex.ru

ORCID 0000-0001-9632-8286